

повское родовое имя, но рожавшей детей мужу, оставалось «пограничным» по отношению к фамилии¹ вне зависимости от формы брака. Это, по мнению докладчика, позволяет говорить о римском браке как о едином явлении, несмотря на его внешние метаморфозы.

Закрывая научные чтения, посвященные памяти С. Л. Утченко, *Е. С. Голубцова* поблагодарила выступавших и отметила научный интерес всех заслушанных докладов.

¹ Каким оно было по отношению к роду в этруском обществе. См.: *Немировский А. И., Цымбурский В. Л.* Энгельс о римском роде и некоторые проблемы современной этрускологии.— ВДИ, 1984, № 3, с. 9—10.

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «КРИЗИС III ВЕКА, ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ И ОТОБРАЖЕНИЕ В ИДЕОЛОГИИ И КУЛЬТУРЕ»

(6—9 ноября 1984 г., Галле, ГДР)

6—9 ноября 1984 г. в г. Галле (ГДР) состоялась Международная конференция, посвященная кризису III в. в Римской империи и его отображению в идеологии и культуре. Конференция была организована Отделом древнего Востока и античности университета им. Мартина Лютера г. Галле. Она явилась продолжением Третьего коллоквиума по поздней античности, проходившего в 1982 г. в Лейпциге и посвященного идеологическому развитию в Римской империи в IV—V вв. В конференции приняли участие ученые 10 стран: СССР, Болгарии, Венгрии, ГДР, Румынии, Чехословакии, Австрии, Великобритании, Франции, ФРГ. Заслушано было 34 доклада. На пленарных заседаниях обсуждались вопросы социально-экономического развития Римской империи в III — начале IV в., ее социальной структуры, а также проблемы римской философии и религии, особенности развития римской историографии, литературы и искусства. На секционных заседаниях рассматривались проблемы эволюции римского права, особенности развития римских и греческих городов, эволюция войска, проблемы развития латинского и греческого языков; обсуждались изменения, происходившие в социальных слоях римского общества, а также роль спорта и отношение к нему в период поздней античности. Существенное внимание было уделено отображению процессов, связанных с кризисом III в., в сознании людей и искусстве того времени. Значительная часть докладов по этой тематике базировалась на анализе данных археологических раскопок, осуществляемых в различных регионах бывшей Римской империи и сопредельных с ней областей. В ряде докладов рассматривалась специфика развития Балкано-Дунайского региона в ходе кризиса III в. и в период временной стабилизации социально-экономического развития, имевшей место в начале IV в.

Конференция открылась докладом *Р. Гюнтера* (Лейпциг) «Социально-экономические отношения в Римской империи в III в.». Докладчик показал, что в основе кризиса III в. лежали разложение античного общественного строя, обострение всех социальных и классовых противоречий; из кризиса империя вышла значительно трансформированной, но она не стала ни феодальной, ни феодализирующейся — началась переходная эпоха, длившаяся до VI или даже VIII в., когда конституируется класс феодально-зависимых крестьян. По мнению Р. Гюнтера, рабство заменялось колонатом не потому, что труд колона был рентабельнее труда раба, а потому, что крупные хозяйства были автаркичны, мало связаны с рынком и не нуждались в квалифицированных, специализирующихся на отдельных видах работ рабах, производивших продукцию для рынка, а также потому, что с обеднением крестьян и развитием патронии эти хозяйства находили внутри общества рабочую силу. Колоны попадали во все большую зависимость, но они не представляли собой элемента феодализации, поскольку вписывались в общественный строй, базировавшийся на рабстве; если еще не юридически, то

фактически они сближались с посаженными на землю рабами. Соответствующие изменения стали заметны с конца III в., но кризис III в. уже обуславливался началом кризиса рабства.

Вторым основным докладом конференции был доклад *Е. М. Штаерман* (Москва) «Религиозные течения в III в.», который отличался широтой постановки проблемы и вызвал живой отклик аудитории. Докладчица отметила особую роль в III в. религиозно-философских систем, приобретших значение в связи с обострением идеологического нажима императоров на подданных, господ — на эксплуатируемые классы, протест которых также облекался в религиозную форму — культы близких трудящимся богов, не входивших в официальный пантеон. *Е. М. Штаерман* выступила против распространенной точки зрения, согласно которой, на религиозные верования римлян большое влияние оказывали восточные культы. По мнению исследовательницы, эволюция религиозных взглядов римлян была теснейшим образом связана с процессами, происходившими внутри самой империи, и эта эволюция была исконно римским явлением, в то время как влияние Востока в сфере религии было весьма и весьма поверхностным. В докладе было убедительно показано приближение раскола в области идеологии, выраженной в религии: классы, уходящие в прошлое, склонялись к наиболее пессимистически оценивавшим земной мир системам, в то время как новые, восходящие классы искали в религии оправдания активной борьбы со злом. Выход из многих проблем дало христианство, удовлетворившее запросы различных слоев: императорам оно дало догму и понятие «ереси», трудящимся — надежду на «тысячелетнее царство», новым классам — идею прогресса, т. е. возможности нового мирового порядка.

В ряде докладов были рассмотрены особенности социальной структуры Римской империи в III в. *К. П. Ионе* (Берлин) сделал доклад на тему: «Imperator et nondum senator. Сенаторы, всадники и первые императоры несенаторского происхождения». В докладе *А. А. Чекаловой* (Москва) «Кризис III в. и особенности формирования сенаторского сословия Константинополя» было показано, что основание новой столицы, Константинополя, и возникновение там сената и сенаторского сословия были непосредственно связаны с кризисной ситуацией на Западе, выразившейся в постоянных конфликтах между императором и его администрацией и римским сенатом. Создание сената в Константинополе решало проблему пространственного отделения родовитой аристократии от возросшей в своем влиянии в ходе кризиса III в. служилой знати. Причины возникновения сената в Константинополе повлияли на особенности формирования сенаторского сословия Восточной Римской империи в IV в., определив и его специфические черты: непременную связь титула с должностью, мобильность, своеобразие материальной базы.

Социально-экономические аспекты кризиса III в. были рассмотрены и в докладе *А. Сусевяну* (Бухарест), который остановился на особенностях развития района Добруджи. Городу как носителю культурных традиций был посвящен доклад *Х. Фишера* (Берлин). Специфика войска находилась в центре внимания *М. Шпрингера* (Дрезден), прочитавшего доклад «Так называемая реформа императора Галлиена».

Эволюция римского права в период кризиса III в. была рассмотрена в докладах *И. Кэна* (Берлин), *Г. Хэртеля* (Лейпциг) и *Т. Штернберга* (Росток).

Большой интерес вызвал доклад *И. Буриана* (Прага) «Кризис III в. и средства пропаганды того времени». Докладчик проследил основные этапы формирования императорской пропаганды и ее отличие от сенаторской. Это отличие, по мнению исследователя, заключалось в большей последовательности и целенаправленности.

Особенностям идеологического развития империи в период кризиса III в. был посвящен также доклад *И. Кертеца* (Будапешт) «Провинция Азия в Римской империи». На примере Дунайского региона эти проблемы были рассмотрены в докладе *Р. Хозека* (Прага) «Римская армия в Дунайском регионе и ее религия», на примере Восточно-Балканского региона — в докладах *Н. Станева* (София) «Дунайский лимес во второй половине III в.», *Зл. Гочевой* (София) «Культ императора в Никополе на Истре» и *М. фон Цимински* (Галле) «Религия римской армии по раскопкам в Народной Республике Болгарии». Изменению понятия философского термина «эвтаксия» был посвящен доклад *И. Ирмшера* (Берлин).

Общекультурная ситуация в империи была рассмотрена в докладе *М. Опермана* (Галле) «Эволюция искусства в III в. на примере восточнобалканских провинций», ко-

торый явился плодом его многолетних раскопок на территории Болгарии. Анализу раскопок в Киренаике был посвящен доклад *А. Ляронда* (Париж). Докладчик пришел к убедительному выводу о сочетании ухудшения внешнеполитической ситуации в данном регионе Римской империи с обострением социально-политического положения в империи в ходе кризиса III в., выделив при этом отдельные этапы кризиса и показав их неоднозначность. К этим докладам примыкали доклады *Б. Андрес* (Марбург) «Кризис, осознание кризиса, преодоление кризиса на примере искусства саркофагов III в.», *К. Цимермана* (Росток) «Проблема саркофагов III в.», *Т. М. Шмидта* (Берлин) «Новый фрагмент саркофага с изображением колесницы из раннехристианско-византийского собрания» и др.

Проблемы искусства были рассмотрены и в докладах *В. Шиндлера* (Берлин) «Классицизм — симптом кризиса?», *Г. Цинзерлинга* (Иена) «К вопросу о двух направлениях стиля во второй четверти III в.», *Д. Рэслера* (Берлин) «Индивидуум — тип — эпоха. Городской портрет III в.», *А. Эфенбергера* «Христианское искусство III в.» и др.

Особенностям развития латинской литературы в период кризиса III в. были посвящены доклады *В. Курша* (Галле) «Перестройка латинской литературной системы в III в.», *П. Л. Шмидта* (Констанц) «Кризис языческой латинской историографии в конце III — начале IV вв.», *Ф. Кэрнса* (Ливерпуль) «Менандр Ритор. Риторика и культура конца III в.» и др.

Проблемы спорта в поздней античности были рассмотрены в докладах *И. Вайлера* (Грац) и *И. Эберта* (Галле).

Доклады и оживленные дискуссии, развернувшиеся на конференции, показали, что III век не был лишь временем постоянного упадка, но что в ходе кризиса имели место отдельные периоды временной стабилизации, открывавшие путь росткам будущего.

А. А. Чекалова

ВОЗМОЖНО ЛИ ЕДИНООБРАЗИЕ В ТРАНСЛИТЕРАЦИИ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ ИМЕН?

Воистину новое — хорошо забытое старое. Когда я в мае 1984 г. выступал на IX Всесоюзной авторско-читательской конференции ВДИ с предложением об унификации греческих имен собственных хотя бы в пределах одного журнала, я не помнил, что чуть ли не полвека назад вопрос этот уже обсуждался на страницах «Вестника древней истории», и только благодаря указанию Э. И. Соломоник (которой я за это искренне благодарен) нашел статью М. Протасова (в остальном мне совершенно неизвестного) под заглавием «Об упорядочении и унификации транскрипции собственных имен и исторических терминов в истории античного мира» (ВДИ, 1940, № 1, с. 102—113). Уже тогда автор отмечал, что доставшаяся нам в наследство «хаотическая, неряшливая, разнородная и случайная» транскрипция нуждается в упорядочении; здесь же приводилось множество примеров действительно вопиющего разноречия в передаче античных имен собственных и делались довольно капитальные предложения.

Нельзя сказать, чтобы положение с тех пор совсем не изменилось. Так, почти повсюду в древнегреческих именах утвердилось в интервокальном положении глухое «с» (Гесиод, Писистрат), и никто, кажется, не переводит «центурион» как «фельдфебель». Нельзя также утверждать, что в статье М. Протасова все было бесспорно, не говоря уже о некоторых прямых ошибках (так, например, рекомендовалось совершенно неправильное написание «Кай» и «Кней» вместо единственно возможного «Гай» и «Гней»). Вместе с тем ясно, что вопрос был возбужден с полным основанием и что в целом статья М. Протасова осталась — увы! — гласом вопиющего в пустыне. И до сих пор всякий, кому приходится читать издаваемые у нас книги и статьи по древней истории, античной литературе и другим областям античной культуры, включая переводы древнегреческих авторов, не может не обратить внимания на царящий в них разноречие при передаче древнегреческих имен собственных (и не только собственных).